

III.

Синопская победа.

Въ 1853 году въ воздухѣ запахло войной. Загорѣлся опять такъ называемый восточный вопросъ,—другими словами, вопросъ о вліяніи Россіи на дѣла Востока.

Со времени Петра Великаго Россія, войдя въ составъ первоклассныхъ государствъ Европы, начала пріобрѣтать все большее и большее вліяніе въ европейской политикѣ. Война 1812 года поставила ее на недосягаемую высоту и дала ей рѣшающее значеніе въ европейскихъ дѣлахъ.

На Востокѣ въ это время силою Россіи было возстановлено Греческое королевство, усилено вліяніе на Дунайскія славянскія княжества и Сербію, увеличены владѣнія Россіи на счетъ Персіи и Турціи, пріобрѣтено устье Дуная, и наконецъ, заперть входъ въ Черное море для военныхъ судовъ остальныхъ европейскихъ націй.

Возрастающее могущество Россіи встревожило другія первоклассныя европейскія державы, въ особенности Францію и Англію, которые рѣшили противодѣйствовать Россіи, но не прямо, а возстановливая противъ нея Турцію, ея исконнаго врага. Главною причиною вражды между Россіею и Турціею былъ вопросъ о христіанскихъ подданныхъ послѣдней, находившихся подъ покровительствомъ Россіи, и о святыхъ мѣстахъ, находящихся во власти Турціи.

«Но не въ гробѣ Спасителя, проповѣдывавшаго миръ, надо искать причинъ къ войнѣ», говорить Тотлебенъ въ своемъ описаніи осады Севастополя. «Подъ вліяніемъ скрытыхъ побужденій вопросъ о святыхъ мѣстахъ, не имѣвшій самъ по себѣ характера столь важнаго, чтобы возвыситься до серіознаго разрыва, послужилъ западнымъ государствамъ вполнѣ удобнымъ предлогомъ къ осуществленію давно задуманнаго плана». Планъ этотъ состоялъ въ томъ, чтобы ослабить могущество Россіи, подорвать ея значеніе, политическое и торговое.

15-го іюля 1853 года произошла такъ называемая оккупация Придунайскихъ славянскихъ княжествъ, т.-е., другими словами, по повелѣнію императора Николая I туда двинуты были русскія войска. «Не завоеваній ищемъ Мы», говорилось въ обнародованномъ по этому поводу манифестѣ: «въ нихъ Россія не нуждается. Мы ищемъ удовлетворенія справедливаго права, столь явно нарушенаго. Мы и теперь готовы остановить движеніе нашихъ войскъ, если Оттоманская Порта обяжется свято наблюдать неприкосновенность православной церкви».

Но, поддерживаемая втайнѣ Англіею и Франціею, Порта не пошла ни на какія уступки, и 21-го октября того-же 1853 года Россія объявила ей войну.

Почти въ тотъ-же самый день начальникъ севастопольской эскадры, Павелъ Степановичъ Нахимовъ, съ отрядомъ судовъ выступилъ въ море. Осень была бурная; на первыхъ-же порахъ при-

шлось выдержать сильный штормъ, послѣ котораго два корабля необходимо было отправить обратно въ Севастополь. За этою не-пріятностью послѣдовала однакажъ вскорѣ и удача: 5-го ноября Корниловъ, шедшій на соединеніе съ Нахимовымъ, наткнулся на турецкій пароходъ «Бахри» и послѣ боя взялъ его въ плѣнъ.

Но самая блестящая побѣда была впереди. Получилось извѣстіе, что подъ Синопомъ стоитъ отрядъ изъ 12 турецкихъ судовъ. Несмотря на то, что у насъ было всего лишь 6 судовъ и что непріятельскій флотъ находился подъ охраною шести береговыхъ батарей, Нахимовъ рѣшился отправиться къ Синопу, и 18-го ноября 1853 года завязалась безпримѣрная въ военной исторіи морская битва. Наша эскадра подъ командой Нахимова дѣйствовала, какъ на ученьѣ: тихо, равномѣрно, спокойно, но величаво-грозно наступила она на многочисленнаго врага, срыла батареи, сожгла и взорвала на воздухъ суда. Поразительно было зрѣлище гибели непріятельскихъ судовъ: прибитыя къ берегу, они горѣли, и по мѣрѣ того, какъ раскалялись бывшія на нихъ орудія, они стрѣляли ядрами по рейду, не нанося, впрочемъ, вреда нашимъ судамъ. Наконецъ, когда огонь достигалъ до мѣста храненія пороха, суда взлетали на воздухъ и горящими обломками своими осыпали городъ. Синопъ горѣлъ; никто не приходилъ тушить, да и некому было: видя неизбѣжную гибель, все начальство города, жители и солдаты бѣжали въ горы.

День Синопской побѣды до сихъ поръ чествуется моряками въ Петербургѣ и Севастополѣ. Всѣ участники ея ежегодно собираются въ памятный день 18-го ноября на товарищескій обѣдъ. Число ихъ—увы!—съ каждымъ годомъ уменьшается.

Громъ Синопской побѣды раздался во всей Россіи, и Нахимовъ сталъ народнымъ героемъ.

«Истребленіемъ турецкой эскадры при Синопѣ вы украсили лѣтопись русского флота новою побѣдою, которая навсегда останется памятною въ морской исторіи. Статутъ военного ордена св.

великомученика и побѣдоносца Георгія указываетъ награду за вашъ подвигъ. Исполняя съ истинною радостью постановленіе Статута, жалуемъ васъ кавалеромъ св. Георгія второй степени большого креста, пребывая къ вамъ Императорскою милостью Нашею благосклонны».

Такъ привѣтствовалъ императоръ Николай I Нахимова, который въ донесеніи о Синопскомъ боѣ забылъ упомянуть о себѣ.

Извѣстіе о Синопской побѣдѣ было встрѣчено въ Севастополь съ безграничнымъ восторгомъ. Севастопольцы ликовали. Это были послѣднія свѣтлые минуты стараго «гнѣзда черноморскаго флота». Будущее готовило ему однѣ слезы.

Синопская побѣда произвела сильное впечатлѣніе во всей Европѣ. Иностранны, не скрывая, завидовали и удивлялись смѣлости, искусству, опытности и успѣху русскихъ моряковъ. Непріязненное отношеніе къ русскимъ въ Англіи и Франціи усилилось. Обѣ эти страны, а вслѣдъ за ними и Сардинія, выдвинули на помощь Турціи свой флотъ и войска, объявивъ Россіи, что во избѣженіе разрыва, севастопольскій флотъ не долженъ выходить изъ гавани и нападать на турокъ, которыхъ они съ этого времени принимаютъ подъ свою защиту.

Послѣдствіемъ этого заявленія было отзваніе нашихъ пословъ изъ Парижа и Лондона, а 15-го марта 1854 года союзники, т.-е. Франціи, Италіи и Англіи, официально объявили Россіи войну.

IV.

1-го и 2-го сентября 1854.—
Высадка союзной армии на
берега Крыма.

Я спою вамъ о томъ, какъ отъ южныхъ полей
Поднималося облако пыли,
Какъ сходили враги безъ числа съ кораблей
И пришли къ намъ, и насъ побѣдили.

А и такъ побѣдили, что долго потомъ
Не совались къ намъ съ дерзкимъ вопросомъ
А и такъ побѣдили, что съ кислымъ лицомъ
И съ разбитымъ отчалили носомъ.

Апухтинъ.
„Солдатская пѣсня о Севастополѣ“.

Какъ отнеслись севастопольцы къ объявленію войны?—Такъ, какъ они всегда относились къ событиямъ подобнаго рода:

совершенно спокойно, съ полною увѣренностью въ несокрушимость своего родного города. Не впервые было имъ чувствовать себя на военномъ положеніи, и въ большинствѣ случаевъ положеніе это разрѣшалось новою побѣдою родного черноморского флота, а слѣдовательно и новою радостью для нихъ самихъ. Гулъ Синопской побѣды не успѣлъ еще заглохнуть; герои ея были въ Севастополѣ налицо, и севастопольцы разсчитывали провести, по обыкновенію, спокойную и пріятную зиму, такъ какъ открытие военныхъ дѣйствій ожидалось во всякомъ случаѣ не ранѣе весны.

Но вотъ 1-го сентября 1854 года, въ 10-мъ часу утра, изъ Севастополя увидѣли на горизонтѣ два коробля, за которыми виднѣлся густой дымъ, означавшій присутствіе тамъ большого числа паровыхъ судовъ. Вслѣдъ затѣмъ было получено извѣстіе, что мимо Тархангутскаго маяка ¹⁾ прошло 70 непріятельскихъ судовъ. Около полудня стало уже извѣстно, что непріятельский флотъ идетъ тремя колоннами; въ 6 часовъ судовъ насчитывали до ста; спустя часъ, увидѣли новые пароходы и парусныя суда. Наконецъ прискакалъ казакъ и объявилъ:

— Непріятельскихъ судовъ такъ много, что и пересчитать нельзя!

Убѣжденіе, что въ виду приближающейся осени нельзя ожидать серіознаго нападенія на городъ, рушилось такимъ образомъ само собою. Высадка на берегъ Крыма была несомнѣнна.

Съ быстротою молніи облетѣла весь городъ вѣсть, что непріятельскій флотъ уже недалеко. Улицы наполнились бѣгущимъ народомъ; всѣ направлялись къ берегу. Лица были испуганы, блѣдны, взволнованы. Многіе уже начали укладывать пожитки, намѣреваясь бѣжать. Большинство разсчитывало укрыться гдѣ-нибудь пососѣству, главнымъ образомъ, въ близлежащемъ Бахчисараѣ.

Съ каждымъ часомъ смятеніе въ городѣ усиливалось. Ложные и преувеличенные слухи разрастались; многимъ казалось, что Севастополь уже бомбардируютъ.

¹⁾ Крайняя западная оконечность Крыма.

Все вниманіе было теперь сосредоточено на севастопольскихъ властяхъ: главнокомандующемъ крымскою арміею князѣ Меншиковѣ, героѣ Синопа Нахимовѣ и вице-адмиралѣ Корниловѣ.

— Что они предпримутъ? Что будутъ дѣлать? — спрашивали другъ у друга растерявшіеся севастопольцы.

Многіе предполагали, что непріятельскій флотъ направится прямо на Большую бухту; другіе, напротивъ того, говорили, что не станетъ онъ подвергать свои суда опасности пройти полъ градомъ бомбъ и ядеръ съ прибрежныхъ батарей; трети, указывая на массу транспортныхъ судовъ, увѣряли, что непріятель сдѣлаетъ высадку и возьметъ Севастополь съ суши.

— Но гдѣ онъ высадится? Какъ помѣшать высадкѣ? Вопросы эти задавали себѣ не одни только обыватели Севастополя, но и всѣ военные власти.

Оставимъ пока на нѣкоторое время застигнутыхъ врасплохъ, взволнованныхъ севастопольцевъ и посмотримъ, что творилось тѣмъ временемъ въ непріятельскомъ лагерѣ.

Въ 28 верстахъ южнѣе Евпаторіи, у развалинъ старого генуэзскаго укрѣпленія, близъ деревень Контуганъ и Багайлъ, простирается низменный берегъ. Версты на 2 и на 3 отъ моря тянутся эти низменности внутрь страны и оканчиваются какъ-бы вставленными въ нихъ двумя громадными зеркалами — двумя озерами: Кизиль-якъ и Кичикъ-Бель.

2-го сентября, едва только южное солнце выглянуло изъ-за моря и освѣтило живописныя вершины крымскихъ горъ, союзный флотъ, прошедшій наканунѣ въ виду Севастополя, бросилъ якорь передъ старыми генуэзскими укрѣпленіями.

Масса военныхъ судовъ, принадлежащихъ главнѣйшимъ европейскимъ націямъ, вытянулась въ четыре линіи. Въ серединѣ всталъ французскій флотъ, нальво отъ него англійскій, направо турецкій; позади нихъ помѣстились мелкія транспортныя суда и, казалось, не было имъ конца. Палубы были полны войскъ; говоръ десятковъ тысячъ голосовъ заглушалъ ропотъ моря.

Но вотъ на кораблѣ «Городъ Парижъ», раздался всѣми ожидаемый сигналъ; загремѣла музыка, движение усилилось. Войска начали спускаться въ гребныя суда; взмахъ весель, и вотъ... первые полки 1-й французской дивизіи весело понеслись къ берегу, на которомъ девятыи десятыи изъ нихъ суждено было найти преждевременную могилу.

Было ровно 9 часовъ утра 2-го сентября, когда французскія войска вступили на роскошные берега Крыма. Высадка продолжалась нѣсколько дней, и только 6-го сентября вступили послѣднія непріятельскія войска на русскую землю. Высадившихся было 62,223 человѣка.

Съ распущенными знаменами, со стройною музыкою, съ радостными криками, съ веселыми пѣснями шли эти люди. Думали-ли они о томъ, что идутъ разорять чужую землю, отнимать мужей у женъ, отцовъ у дѣтей? Предчувствовали-ли, что большинству ихъ самихъ придется сложить голову на чужой землѣ?

V.

Первые защитники Севастополя:
Нахимовъ, Корниловъ, Истоминъ,
графъ Тотлебенъ.

Не говори съ тоской: — ихъ нѣтъ
А съ благодарностю: — были!
Жуковскій.

Познакомимся теперь съ людьми, на которыхъ севастопольцы смотрѣли, какъ на главныхъ защитниковъ своего родного города. Главнокомандующимъ небольшою крымскою арміею былъ князь Александръ Сергеевичъ Меншиковъ, правнукъ знаменитаго любимца Петра Великаго. Ему было въ то время 67 лѣтъ. Служебная карьера князя была весьма разнообразна: онъ служилъ въ

На заглавномъ рисункѣ этой страницы изображены портреты: слѣва В. А. Корнилова, въ серединѣ гр. Тотлебена, справа П. С. Нахимова.

строю и по ученой части, занимался морским дѣломъ и несъ одно время дипломатическія обязанности. Боевая жизнь дала-таки себѣ знать князю Меншикову. Въ 1809 году подъ Рущукомъ онъ былъ раненъ въ правую ногу, въ 1814 подъ Парижемъ—въ лѣвую, а затѣмъ при осадѣ Варны разомъ въ обѣ ноги. Эти двойныя раны заставляли иногда князя, отличавшагося остроуміемъ, говорить о себѣ:

— Ну, какой же я конь, когда разбитъ на всѣ четыре ноги!

Однакожъ ближе знавшіе князя Меншикова люди не особенно довѣряли этому его отзыву о самомъ себѣ; напротивъ того, его считали человѣкомъ очень гордымъ, съ большимъ самомнѣніемъ, съ заносчивымъ и строптивымъ характеромъ. При всемъ своемъ умѣ, образованіи и даже добротѣ, князь Меншиковъ былъ мало любимъ въ Севастополѣ, главнымъ образомъ, благодаря своей несообщительности, вѣчной наморщенности и недовольству, въ силу котораго онъ «никого не дарилъ ни привѣтомъ, ни одобреніемъ».

Насколько мало знали и любили севастопольцы князя Меншикова, настолько боготворили они героя Синопа — Павла Степановича Нахимова. Во всемъ черноморскомъ флотѣ не было не только матроса, но даже ребенка, который не зналъ-бы, хотя по наслышкѣ, и не любилъ-бы, хотя заочно, Павла Степановича. Когда его высокая, нѣсколько сутуловатая фигура показывалась на севастопольскихъ улицахъ, встрѣчные матросы съ какимъ-то особыеннымъ чувствомъ вытягивались во фронтъ, любовно глядя на его задумчивое, порою даже суровое, но тѣмъ не менѣе безконечно доброе лицо, съ свѣтлыми голубыми глазами, бѣлокурыми волосами, въ форменной фуражкѣ, сдвинутой по-нахимовски на затылокъ.

— Ребята, вотъ нашъ отецъ идетъ! — говорили они другъ другу.

И недаромъ звали они такъ Нахимова: самъ онъ зналъ и любилъ простого матроса, какъ отецъ родной. Онъ входилъ не только въ ихъ служебные, но и въ частные, семейные интересы. Живя, несмотря на свой адмиральскій чинъ, болѣе чѣмъ скромно, на маленькой квартиркѣ, холостякомъ, онъ раздавалъ большую часть своего